

Министерство образования и науки РФ
Национальный исследовательский
Томский государственный университет
Филологический факультет ТГУ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Сборник материалов I (XVI)
Международной конференции молодых ученых
(9—11 апреля 2015 г.)

Выпуск 16

Издательство Томского университета 2015

Система нарраторов в романе М. Шишкина «Взятие Измаила»

Исследование посвящено проблеме систематизации нарративных инстанций в романе М. Шишкина «Взятие Измаила». Произведение имеет иерархию нарраторов, где главный повествователь и персонаж романа имитирует голос Другого, воспроизводит чужие точки зрения. А его биографический сюжет является первоосновой, источником для историй других персонажей.

Ключевые слова: наррация; повествователь; риторика; язык

Многие аспекты изучения романа М. Шишкина «Взятие Измаила» (1999) ¹ в критике и литературоведении до сих пор остаются дискуссионными. В частности, это вопрос об эстетической парадигме романа: модернистской или постмодернистской; а также вопросы о проблеме соотношения автора и героя, смысле многоуровневой нарративной структуры.

Согласно теории В. Шмида, нарратор — это повествовательная инстанция в художественном произведении, вне зависимости от степени выявленности в тексте, это субъект, обладающий определенной точкой зрения, которая проявляется как минимум в отборе включенных в повествование ситуаций². В романе М. Шишкина «Взятие Измаила» два нарратора — Александр Васильевич и Михаил — вводят в ткань повествования, с одной стороны, истории разных персонажей и субъектов речи, с другой, истории собственной жизни. Фабульно Александр Васильевич — старый адвокат, живущий на рубеже XIX и XX вв. — нарратор начала романа; Михаил же — журналист и школьный учитель, живущий в конце XX века, слово отдано ему в середине и финале романа. В критике и литературоведении существуют различные мнения о том, как соотносятся нарраторы в романе: 1) Т. Г. Кучина утверждает, что сюжет Михаила равноправен по отношению к другим персонажам, и является следствием ситуаций и мотивов предыдущего текста³; 2) Ю. В. Шатин — наррация романа подчинена риторике, и ни одна из нарратологических инстанций не получает своего завершения⁴.

На наш взгляд, произведение имеет иерархичную систему повествователей. Фигура Александра Васильевича, организующая повествование первой части романа, к середине начинается размываться, терять историческую и биографическую детерминированность, и это размытое повествование постепенно насыщается точкой зрения нарратора Михаила. Таким образом, фигура Александра Васильевича является квазинарративной, вторичной по отношению к повествователю Михаилу, который в свою очередь имитировал эту инстанцию и воспроизводил точку зрения адвоката начала XX века. Сюжет главного героя-писателя является источником для фабул других персонажей, хотя хронологически они разведены, и нарратор Михаил нарушает зону персонажей многочисленными

детальными метатекста, включением своей идеологической и речевой (стилевой) ТЗ. При наложении ситуаций центрального героя-нарратора и ситуаций других персонажей из разного времени возникают устойчивые повторяющиеся мотивы: рождение/болезнь/смерть ребёнка; смерть родителей; встреча/расставание; столкновение с преступлениями/несчастиями. Выход из фикционального по отношению к герою пространства «чужой» наррации совершается в пространство существования персонажа-нарратора Михаила, и его лирическое самовыражение, прояснение и принятие им бытия в тексте о собственной жизни завершает роман, и позволяет соотнести две текстовых реальности: во-первых, закрепляемую в письме, и, во-вторых, пересоздаваемую в тексте о вымышленных персонажах. Но роман не представляет собой метатекстовую структуру, сюжет письма имеет точечный характер (в оговорках Александра Васильевича, Михаила). Поэтому вывод об иерархичной системе нарраторов основывается на том, как образ повествователя по мере движения романа теряет свою конкретность и биографическую, историческую детерминированность, идеологическую точку зрения.

Наррация Александра Васильевича и отчасти Михаила имитирует риторический дискурс — лекцию и речь на суде, задача которых — установление истины и правды о мире. Речь — устный монолог, все части которого являются аргументами для доказательства той или иной мысли. Устная речь связана с непосредственным переживанием настоящего времени, тогда как письмо более внеситуативно и нацелено на постижение универсальных законов жизни и бытия. Но, как уже было сказано выше, ораторский жанр лишь имитируется, и является способом и моделью мышления и познания бытия в письме нарраторов. Александр Васильевич — старый и одинокий адвокат, воспитывающий слабоумную дочь, который после многолетней практики в письме прокручивает дела, преступления и эпизоды личной жизни, стремится разобраться в природе человеческой порочности, несовершенстве мира, в причинах своего несчастья и в возможности существования истины, которую он всю свою прошлую жизнь устанавливал. В воображаемых речах Александр Васильевич воспроизводит оправдания любых преступлений, вводя в них разные стили русского языка, цитаты из произведений русской классики, фабулы мифов, которые оправдывали существование этого ужасного мира всю историю человеческой культуры. Повествование о невинности человека является лишь условностью языка: как сказано в эпитафии, слова творят любую реальность, любую истину. Письмо в романе является средством познания, инструментом мысли, логики. При этом оно свидетельствует о непознаваемости мира, в котором человек существует в пределах языка, и с его помощью он познаёт мир. Но текст умертвляет реальность, её объективность и сложность, он подобен театральной декорации, с помощью которой человек прячется от действительности.

В наррации Михаила можно выделить несколько форм закрепления и познания бытия: в начале романа он обнаруживает себя в зоне автора через создание другого персонажа-повествователя, Александра Васильевича, как уже было сказано выше; во второй половине романа используется форма потока сознания, погружающая героя-писателя в его прошлое. Почти весь биографический сюжет героя заключен в эпилоге романа, в письме жене. Эпистолярная форма носит исповедальный характер и устраняет автора фактического ради присутствия «естественного Я». Обращенность к Другому подразумевает диалог вопреки времени и пространству; письмо к жене, содержащее разбор своей жизни, а также принятие и оправдание её, есть знак ментального, закреплённого в слове соединения с ней.

Экзистенциальное смятение перед миром толкает героя к столкновению разных версий бытия, разных способов существования во времени, в которых повторяются несчастья, преступления, уничтожение жизни, разрушение связей между людьми. Он вводит истории адвоката Александра Васильевича, интеллигента из 1980-х годов Д., врача Мотте. Дневник Мотте представляет собой аргументы врача, отказывающегося лечить болезни, не верящего в возможность изменить мир и человека. Д., култработник, бессильный изменить бессмысленность жизни, окружающего социума, сходит с ума и начинает рассуждать о языке, который должен изменить реальность.

Сюжет главного героя, который мотивирует его обращение к созданию текста, является не историей о становлении личности и не описывает путь к писательству; она, скорее, отражает ситуации столкновения с миром, неприятия реальности, разрыва с окружающим, из которых происходит потребность в познании себя и своих близких, в попытке реконструировать прошлое в сюжет собственной жизни, завершающийся принятием реальности и примирением с ней: любовью к женщине и рождением ребёнка. Историческое время автобиографического сюжета — 1970–90-е годы, время заката и конца советской реальности, несбывшиеся социальные утопии усугубляют коллизию утраты личных иллюзий. Потому завершается сюжет эмиграцией героя из России в постутопическое время 1990-х годов.

Примечания

1. *Шишкин М.* Взятие Измаила. — М.: АСТ, 2011. — 477с.
2. *Шмид В.* Повествовательные инстанции// Нарратология. — М.: Языки славянской культуры, 2008. — С. 63–65.
3. *Кучина Т.* Нарративная объективация отношений автор/герой в романе М. Шишкина «Взятие Измаила»// Альманах современной науки и образования. — Тамбов: Грамота, 2007. № 3–2. — С. 107–109
4. *Шатин Ю. В.* «Нарратологическая пустота» в современном художественном тексте («Взятие Измаила» М. Шишкина) // Культура и семиотика, Вып. 17. — С. 311–316.